

Вот ушел от нас значительный, горделивый 1959 год. На смену пришел новый — 1960 год. Но старый год, уходя, не умрет. Слишком многое, важное остается от него людям.

В этот год была достигнута величайшая в истории человечества научная победа. Подвиг экспериментаторов, смельчаков завершился полетом ракеты на Луну. Луна, тысячелетия светившая своим таинственным светом, озарявшая влюбленных всех веков, вдохновлявшая поэта и художника, перестала быть таинственной. Ее тайны открыли свое лицо человеку. Это гений советского народа сорвал непроницаемое покрывало с вечной загадки Вселенной.

В этом году громадным успехом закончилась миссия мира, которую осуществил Н. С. Хрущев во время своей поездки по городам США. И мы вступаем в новый год с непоколебимой верой в то, что завоевания человека будут служить не мечу, а оралу.

Никогда не умирают творения человеческой мысли. Бессмертно все, что создается для счастья человека. То, что создано для людей, продолжает жить.

Чем больше думаешь об этом, тем чаще спрашиваешь себя — а что же останется людям от того, что создали за минувший год мы сами? Открыл ли театр то, что останется с людьми, как духовный дар, как спутник их жизни?

Было время, несколько лет назад, когда театр наш переживал трудную пору. Было время, когда зритель, неудовлетворенный тем, что он видел на сцене, отвернулся от нее. И многим из нас казалось, что театр уходит с арены жизни, уступает свое место более новому искусству кино и телевидения.

Но нет! Какие бы новые замечательные достижения техники не совершенствовали процесс киносъемки и процесс демонстрации кинофильма, они не угрожают театру. Искусство живого слова, живой непосредственной игры, искусство, которое создается тут же на глазах у зрителей и связано с ними непрерывно бегущими токами жизни, не уступит своего места до тех пор, пока то, о чем говорят со сцены, нужно зрителю. Нет, не случайно сказал когда-то Герцен, что театр — высшая инстанция для решения жизненных вопросов. Я не хочу сказать, что такой инстанцией не может быть экран кинематографа или телевизора. Но в соревновании с ними у театра есть огромные преимущества. Особой силой воздействия обладает искусство, которое рождается импровизационно и в каждую секунду может изменить силу напряженности и страсти.

Я говорю так не только потому, что отдал театру целую жизнь, что за моими плечами отстукал уже полвека сценический опыт. Я просто уверен, что и в будущем, в том далеком (а, может быть, уж и недалеко) будущем, когда новые завоевания техники освободят жизнь от всяких бытовых трудностей, когда исчезнет понятие расстояний, когда собеседника можно будет видеть на экране телевизионного аппарата, театр все равно останется для человека праздником и хлебом насущным. Вопрос только в том, каким должен быть этот театр.

Н. С. Хрущев сказал: «Если борьба за идеалы коммунизма, за счастье своего народа является целью жизни художника, если он живет интересами народа, его ду-

НОВЫЙ ДЕНЬ ПЛАМЕНЕЕТ

Л. ВИВЬЕН,
народный артист СССР

мами и чаяниями, то какую бы тему он ни брал, какие бы явления жизни ни отображал, его произведения будут отвечать интересам народа, партии и государства».

Убежден, что все деятели нашего театра являются теми самыми художниками, которые стремятся жить интересами народа и, работая, каждый раз искренне хотят выразить его думы и чаяния. И все-таки это удастся не всегда.

В чем же дело? Конечно же, не в недостатке желания и даже не в отсутствии понимания своей ответственности. Дело чаще всего в том несоответствии, которое существует между великими задачами, стоящими перед театром, и его реальной творческой практикой.

Мы часто говорим о своих достижениях. Это естественно. Каждому человеку хочется думать, что он делает лучше, а не хуже. Но ведь результат нашей работы измеряется не нашим желанием, не выполнением плана и даже не теми благополучными отметками, на которые не скупится наша доброжелательная печать.

Думаю, что реальный результат нашей работы не в этом, а в том, с какими глазами сидел в театральном зале зритель, с чем он уходит со спектакля и что от нашего творчества останется в его памяти и в его сердце. Знаете ли вы, какие пламенные чувства исторгал мочаловский Гамлет? Помните ли вы, как зрители Малого театра целые ночи бродили по улицам и спорили о жизни после спектаклей Ермоловой? А искусство Комиссаржевской, которое действовало с такой силой, что меняло тысячи человеческих биографий?

Используем ли мы с вами эту могучую силу влияния искусства? Нет, тысячу раз нет! На наших спектаклях, даже хороших, иногда даже очень хороших, зрители слишком часто бывают спокойны. Они с интересом смотрят на сцену, радуются появлению знакомого актера, смеются остроумной шутке, облегченно вздыхают, когда благополучно разрешаются все неприятности, окружавшие героев, но они не забывают при этом зайти в буфет, съесть свой стаканчик мороженого, а после спектакля — надеть пальто и поторопиться домой.

Почему так происходит? Почему ракета, созданная работой человеческого мозга, достигает Луны, а искусство, обращенное к самому чувствительному аппарату — человеческому сердцу, — не всегда проникает в него? Почему, фиксируя с удовлетворением, что в репертуаре наших театров основное место заняла современность, мы в глубине души знаем, что пульс современности бьется в спектаклях слишком ровно и глухо? Почему, так великолепно отдавая себе отчет в воспитательной роли театра, мы часто довольствуемся тем, что театр из идейного наставника превращается в унылого губернатора, повторяющего правила, давно наскучившие и ему самому, и его воспитаннику?

Видимо потому, что мы готовы

довольствоваться приблизительным, что мы слишком легко миримся с возможностью прожить на уже открытое и существующее.

Наша световая техника или специализированная машинерия отстали от современности и, бывает, они держат в плену нашу фантазию, ограничивают полет воображения. Но, право же, не это определяет современность спектакля. Искусство живет и всегда будет жить прежде всего живой мыслью, живым человеком, актером, который творит на сцене. Степень соответствия искусства с жизнью определяется не качеством облаков, создаваемых на заднике кинопроекции, не легкостью вращения сценического круга, а тем, в какой степени удалось постичь и воплотить на сцене внутренние признаки нового человека. Зритель охотно простит нам несовершенство сценической площадки, но он, даже при самом добром отношении, не простит равнодушного холода исполнения, старых штампов, актерского дилетантизма.

У искусства есть один страшный и опасный враг — привычка. Как только искусство делается привычным, оно перестает волновать. Как только творчество превращается в обыденность, оно перестает быть творчеством. Я боюсь, что мы слишком терпимы к тому, что мы делаем сами, и слишком нетерпимы к тем попыткам, которые совершают рядом с нами другие.

Последнее время — и это составляет одну из привлекательных черт ушедшего года — у нас возобновились творческие дискуссии. Мы стали спорить о средствах изображения жизни, о способах ее воплощения на сцене. Это хорошо. Но иногда в эти споры проникают ноты директивного утверждения своей собственной политики, нигилистического отрицания того, что делают другие.

Я — за самую высокую и неразменную принципиальность в спорах. Но я против высокомерного пренебрежения к творчеству соратников. Я знаю по опыту, как легко растоптать еще не выросшее растение новой индивидуальности и как важно вовремя поддержать самое маленькое зернышко для того, чтобы оно превратилось потом в плодородное дерево.

Мне хочется, чтобы наш театр в 1960 году не просто продолжал свою работу, а порадовал такими же открытиями, какими радовала и будет радовать нас наша наука. Мне хочется, чтобы мы оставили за дверью ушедшего года все следы ремесленной осторожности, примиренчества, казенного отношения друг к другу, эгоистических забот о самих себе. Мне хочется, чтобы пирота горизонта в нашей жизни расширила и горизонт театрального искусства; чтобы на нашу сцену пришли герои не из вчерашнего, а из завтрашнего дня; чтобы уходили из нашего обихода спектакли, которые существуют в сознании человека ровно столько, сколько длится театральное представление, и чтобы на смену им пришли спектакли, которые не хочется, невозможно забыть.

Мне хочется, чтобы мы создали произведения, которые останутся людям, как остается все лучшее, созданное талантом и человечностью художника. Пусть эта вечно старая и вечно новая основа нашего искусства станет реальностью нашей завтрашней жизни.

С Новым годом, товарищи по оружию!